

Колдовское преступление писаря Кошкина

Почему совестной суд расценил еще вчера крамольное «дело» как вздор и невежество

Непристойная книжка

В 1781 г. в окружном (то есть уездном) городке Вятского наместничества Яранске жил 19-летний молодец Лев Кошкин. Был он грамотен, служил писцом («пищиком») в яранском казначействе. И вот случилось страшное: у него обнаружилась «суеверная книжка»! Парня заметили с нею прямо на рабочем месте.

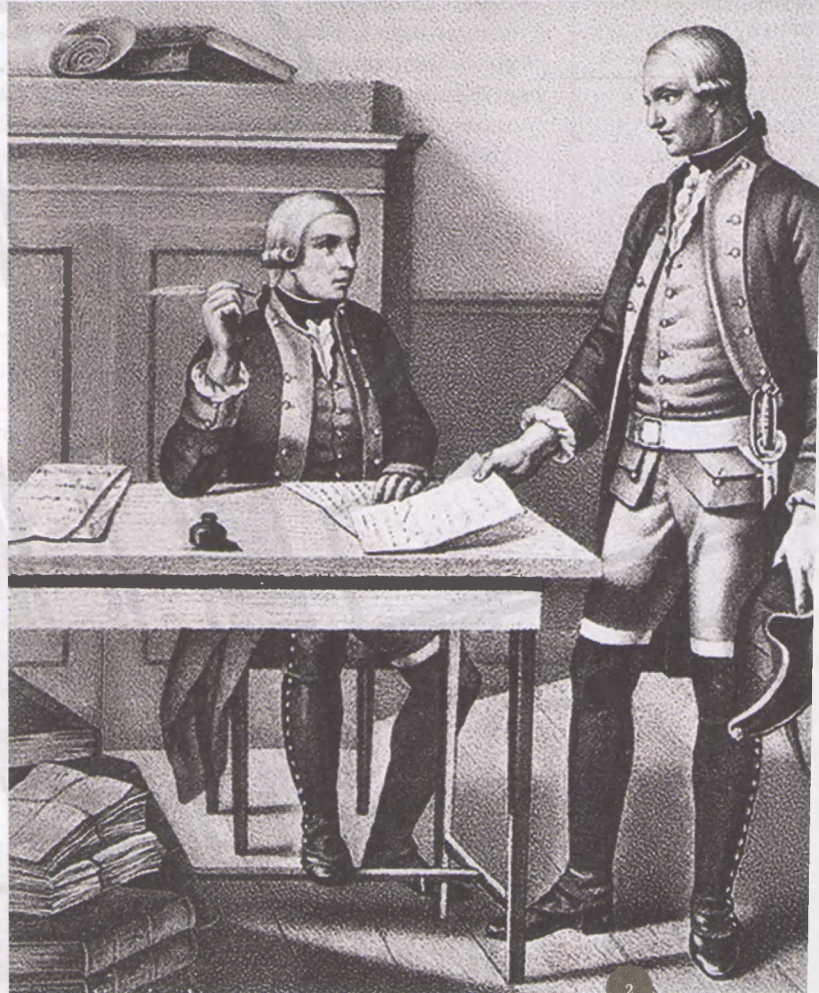
На протяжении большей части XVIII в. всевозможные «суеверия» преследовались и строго наказывались. При Екатерине II отношение к ним начало смягчаться. Просвещенная императрица считала, что колдовство — это всего лишь обман, коим хитрецы невежд дурачат. Однако невежд много, поэтому толки о ведьмах, колдунах, порче и прочих нелепостях должно пресекать. Ведь они могут привести и к народным возмущениям...

А тут — целая книга суеверной крамолы!

Яранская нижняя расправа («расправами» назывались учрежденные в 1775 г. судебные органы) начала расследование. Затем дело¹ направили в более высокую инстанцию — в Вятскую верхнюю расправу. Туда поступила и сама «книжка». Однако к сохранившемуся архивному делу она не приложена, и копии ее тоже нет.

Кошкина допрашивали неоднократно: он менял свои показания. Очевидно, «пищик» быстро уразумел, что дело худо. «Небольшая писмянная книшка»² была серьезной уликой. И выкручивался: дескать, думал — «божественная», «молитвенная», а оказалось — «волшебная» и колдовская.

Поначалу Кошкин показал, что «книжку» взял у 17-летнего «купецкого сына» Василия Попова, а тот нашел ее на мосту через реку Ярань. Потом стал утверждать, что получил «книжку» «под заклад» пяти копеек у Ильи, сына священника Знаменской церкви Яранска. «Под заклад» — зна-

чит, взял на время. То есть вещь чужая, Кошкин не принадлежавшая. Затем вернулся к прежним показаниям: «книжка» найдена на мосту, а Илья он оговорил из-за ссоры³.

Попович Илья в этой истории мелькнул — и исчез. А вот Василия Попова допросили.

Он признался, что действительно дал Кошкину крамольные записи, чтобы тот, умелый переписчик, снял с них копию. Далее в документе темное место: «Которую де книшку по лис означенной (Кошкин. — **Авт.**) своею рукою на сал песню»⁴. По-видимому, Попов хотел сказать, что какая-то особо крамольная «песня» вписана в «книжку» Кошкиным, а он, Попов, тут ничем. И вообще, он неграмотный (или малограмотный)... Кстати, неграмотные люди в те време-

°1

Старая рукописная книга.

°2

Писари Военной коллегии. 1764—1786 гг.

тоже заказывали для себя копии заговорных текстов, чтобы использовать такую запись как своего рода талисман⁵.

По Кошкину же, с «книжкой» было так. Попов предложил ему скопировать за 10 копеек некий текст, и оба они отправились туда, где служил Кошкин и где имелись условия для переписывания — в яранское казначейство. И только Кошкин занялся копированием, как «усмотрел тогда написанных в непристойных законом строки з две...». Бдительный «пищик» тут же, по его словам, отдал

загнать. И вообще, похоже, что обнаружение у мелкого служащего «суеверной книжки» наделало переполоху в тихом провинциальном Яранске.

В показаниях привлеченных к следствию заметно противопоставление «божественного» и «небожественного» («суеверного»). Грань между такими понятиями в те времена провести было нелегко, а между тем от этого зависела квалификация деяния. Переписывать «божественное» (например, Псалтырь), разумеется, не возбранялось.

Задачи совестного суда

Вятские «расправные» сами заниматься делом не стали. Они передали его в следующую инстанцию — в открытый совсем недавно, в декабре 1780 г., Вятский совестный суд.

Совестные суды создавались по инициативе Екатерины II начиная с 1775 г. для разбора дел, по которым обвинялись малолетние или безумные. Туда же поступали дела по преступлениям, совершенным в состоянии аффекта, случайно, неумышленно

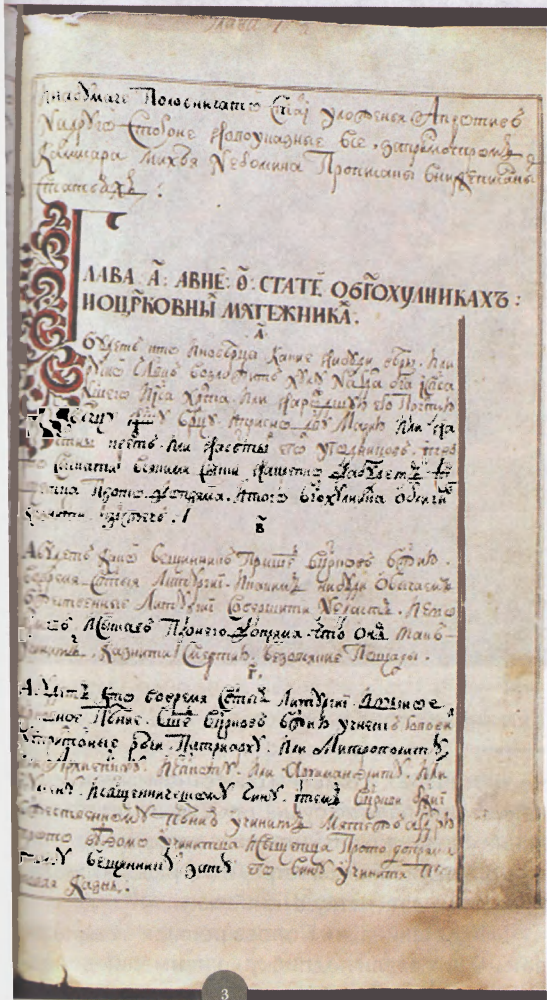
или по стечению обстоятельств. Действовать они должны были в соответствии с «естественным правом», милосердно, учитывая смягчающие обстоятельства, стремясь не столько покарать, сколько примирить. Там же, по мысли императрицы, должны были разбираться и дела о суевериях и колдовстве⁸.

В.О. Ключевский утверждал, будто «за все царствование Екатерины не насчитать и десятка дел, решенных во всех совестных судах надлежащим образом»⁹. О.А. Омельченко считал совестные суды «малозначительными» по своим полномочиям и правам учреждениями¹⁰. А И.П. Слободянюк отмечал, что «принципы гуманности и справедливости, провозглашенные при учреждении совестных судов, не были в полной мере реализованы»¹¹. Тем интереснее выяснить, как на деле работал этот суд в одной из обширных и удаленных от центра провинций — на Вятке.

В журнале заседаний и определений Вятского совестного суда за 1782 г. есть несколько записей по яранскому делу, поступившему туда в середине февраля. Тогда же в этот суд был отправлен и находившийся под арестом Лев Кошкин. А проходившему по делу в качестве свидетеля Василию Попову велели не выезжать из Вятки.

Окончательное решение было вынесено быстро — через месяц¹².

Уже в первой по времени записи в журнале (о том, что дело, согласно закону, принято к рассмотрению) определенно заявлено: причина следствия и суда — в «открывшейся» у Кошкина «якобы

3

4

5

пристойную «книжку» прислуживавшему в казначействе старику-сержанту⁶.

Но почему тогда «книжку» нашли у Кошкина? Значит, сержант ее не взял?

Допросили сержанта. Тот сообщил, что да, Кошкин и Попов находились тогда в помещении вместе переписывали какую-то бумагу. На вопрос сержанта, что за бумага, Кошкин заявил, что «книжка» — «божественная»⁷.

Стало быть, Кошкин все-таки копировал непристойный текст — раз поспешил заверить, что все вполне благонадежно...

Привлеченные к следствию явно юлили, стремясь смягчить свои проступки. Все — и следователи, и обвиняемые — понимали, что дело это не простое, можно и кнута отведать, и на каторгу

3
Рукописная книга XVIII в. Страница с главой «О богохульниках и церковных мятежниках».

4
Ф. Рокотов. Портрет Екатерины II. 1763 г.

5
Рабочий инструмент писаря.

заговорной суеверной тетрадки»¹³. Не печатной книжки, а рукописной тетрадки! Которая, несомненно, содержала заговорные тексты. Неясно, правда, что именно в протоколе допроса Василия Попова было названо «песней» (якобы вписанной туда Кошкиным). Может быть, кроме заговоров, там и какие-то подозрительные песенки обнаружили? Или же недотепистые яранские чиновники (которые тетрадку книжкой назвали) и тут напутали?

Заговоры «суеверной тетрадки»

Какого типа заговорные тексты могли быть в «суеверной тетрадке»? В сохранившихся материалах дела нет, кажется, и намёка на это. А ведь заговоры бывают лечебными, хозяйственными, промысловыми, любовными, свадебными, социальной направленности (например, «на подход» к судьям или иным властям), наводящими порчу, защищающими от порчи и т.д.

Но обратим внимание: вовлеченные в нашу историю люди — молодые парни. Как отмечал А.Л. Топорков, «рукописные любовные заговоры — исключительно мужские тексты, призванные воздействовать на женщин. Количество «мужских» текстов абсолютно преобладает в XVII—XVIII вв. (43 «мужских» текста против одного «женского»)»¹⁴.

Если что и могло заинтересовать яранских парней в заговорной традиции, то это, конечно же... нет, не любовь, а исключительно интимные отношения. Как сделать так, чтоб приглянувшаяся красотка не пила, не ела, а все только бы по добру молодцу вздыхала и сама бы к нему ластилась? На это и были направлены любовные заговоры, с помощью которых мужчины пытались обольстить женщин.

Впрочем, в рукописных сборниках заговоров нередко содержались тексты различной направленности. Например, в 1753 г. у рудокопчика Полевского медеплавильного завода на Урале Ульяна Рудакова обнаружили сборник, который в документах, как и в нашем случае, именовался и волшебной книжкой, и тетрадкой. Там были любовные «присушки», заговоры «об отваде печали», «о излечении от зубной болезни» и другие¹⁵. Яранский сборник тоже мог содержать заговоры не только любовные.

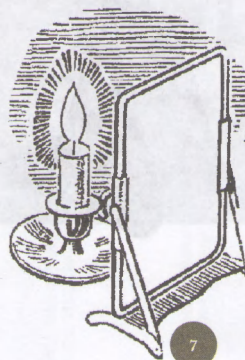
Е.Б. Смилянская, изучившая множество дел о «духовных преступлениях», отмечала: «На основании изучения материалов следственных дел создается впечатление, что и доносители, и хранители заговоров так или иначе осознавали греховность и запретность магии. Заговорные тетрадки давали для переписывания обычно скрытно из опасения светского наказания»¹⁶. Обвинения

в колдовстве сплошь и рядом предьявлялись уже по факту обнаружения заговорного текста¹⁷.

Те же, кто прибегал к магическим, заговорным средствам, различали магию «белую» и «черную». Но любовная магия, несомненно, расценивалась как «черная», запретная, по степени воздействия и восприятия близкая к вредоносной¹⁸.

6

7

° 6

К. Маковский. Святочные гадания.

° 7

Принадлежности для гадания.

Гуманный приговор

15 марта 1782 г. в Вятском совестном суде дело наконец разобрали по существу. Судьи в постановлении снова уточнили, что речь идет не о печатной книге, а о рукописной тетради («И рассматривая ту вздорную тетрадку, а не книжку...»)»¹⁹

Ни Кошкина, ни Попова решили не наказывать. С них взяли подписку «о неимении впредь таковых сумазбродных и суеверных пустых сочинений, а буде впредь найдутся какие-либо дурные сочинения, то неминуемо подвергнутся неизбежного поступления по законам». Саму же тетрадку охарактеризовали как «безделную глупого и невежественного слога», «вздорную и пустословную»²⁰.

Яранским чиновникам направили предупреждение и указание быть в подобных случаях осторожнее и впредь таких дел не заводить²¹. Ведь тут просто глупость, невежество, вздор, пустословие. Это не относится к деяниям, за которые по закону полагается наказание...

Мягкость вынесенного решения была характерна для совестных судов в эпоху просвещенной монархии. Удивительно, как быстро произошел поворот от свирепого преследования колдовства (практиковавшегося еще в се-

редине XVIII в.) к квалификации этого деяния как обмана и невежества. Даже в такой отдаленной провинции, как Вятское наместничество, совестные судьи (дворяне, мещане и крестьяне) мигом приняли к руководству просветительскую идеологию! И указывали не вполне перестроившимся коллегам на местах (в уездных учреждениях), что те недопонимают новую «генеральную линию».

Трудно сказать, насколько осознанно судьи воспринимали такую «перестройку». Так называемое «народное православие» с его обрядоверием, бытовой магией и предрассудками в высших слоях русского общества бывало и в XVIII, и в первой половине XIX в. И едва ли все судьи и чиновники екатерининской эпохи искренне считали, что от колдовства нет никакого вреда. Но если и не считали, то держали свое мнение при себе: насаждавшаяся тогда в России просветительская идеология требовала от нижестоящих прежде всего не веры в нее, а исполнения. Надо было приспособляться к навязанным сверху правилам игры...

В самодержавной России эти правила требовалось принять сразу. И суровость, с которой преследовали народную магию в предыдущие десятилетия, тут же стала клеймиться как отсталость, дикость и глупость. Просто потому, что императрица изволила решительно объявить подданным: никакого колдовства вообще не бывает.

Кровавый зуб от Пелагеи

В том же 1782 г. Вятский совестный суд рассматривал еще одно дело. Секунд-майор Степан Филиппов, служивший судебным заседателем Вятского верхнего земского суда (крупная фигура!), пожаловался на свою крепостную дворовую женку Пелагею (в документах — Палагия). Она подала ему в кушанье человеческий коренной зуб — причем, как показалось Филиппову, со следами крови. В приготовленной же Пелагеей припарке, которую майор прикладывал к опухоли на животе, обнаружилась нижняя часть клюва неведомо ка-

кой дикой птицы. А еще Пелагея постоянно добавляла в еду барину и его жене заговоренную соль.

Поблуждав по инстанциям, дело — как «род колдовства» — попало в совестный суд. При расспросе Филиппов уверял, что Пелагея сама призналась: зуб — это чтобы его умертвить, клюв — чтобы у него было «колотье», а соль — чтобы не получать от него побоев. Правда, улики су-

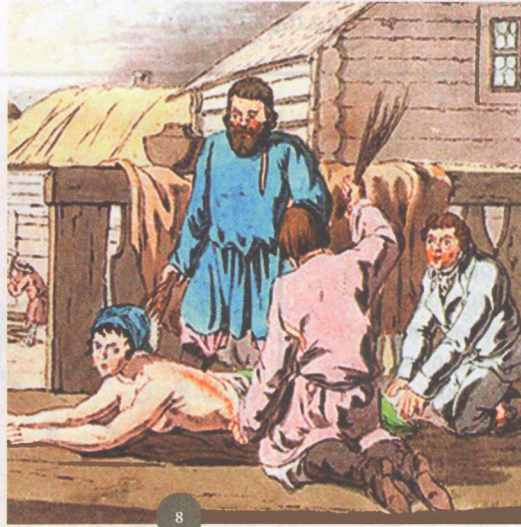
ду представлены не были: зуб сразу выкинули на улицу, а клюв майор велел сжечь.

Пелагея же ни в чем не сознавалась. Если она что-то такое Филиппову и говорила, то разве что будучи в беспамятстве во время сильной порки, которую тот ей задал. Отношения барина с крепостной вообще были сложными. Пелагея твердила, что Филиппов ее бил, намеревался склонить к греху с ним; она не раз убежала (власти ее ловили, секли

и возвращали); он выдал ее замуж за парня, о котором говорил, будто тот — вольный, а на самом деле это тоже был его крепостной... Сам Филиппов уверял судей, что Пелагея ему теперь вовсе не нужна — и пусть живет, где хочет.

Но вот что важно: «совестные» искусно подвели своего коллегу-истца к признанию, что никакого реального ущерба от действий Пелагеи не приключилось. И прямо записали в протоколе, что он не должен верить в «бабьи шепоты» и что императрица полагает всяческое колдовство обманом! В общем, иск дворянина к его крепостной по обвинению в колдовстве и смертоносной порке оставили без удовлетворения²².

Получила ли Пелагея вольную? Это уже не от совестного суда зависело. Права отпускать людей на волю императрица судьям не давала.

8

8

Дж. Рихтер, Х. Гейслер. Наказанья, практикуемые в России.

- ¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15.
- ² Там же. Л. 12.
- ³ Там же. Л. 12об.-13.
- ⁴ Там же. Л. 14.
- ⁵ Белова О.В., Левкиевская Е.Е. Молитва // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 279; Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 76-77.
- ⁶ ГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15. Л. 14-15.
- ⁷ Там же. Л. 17об.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XX. С. 233, 278-279; Слободянюк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» // История судебных учреждений в России. Сб. обзоров и рефератов. М., 2004. С. 117-118.
- ⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 5 // Ключевский В.О. Соч. В 5 т. М., 1958. Т. 5. С. 125.
- ¹⁰ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 286.
- ¹¹ Слободянюк И.П. Указ. соч. С. 118.
- ¹² ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 63, 94-94об., 97-102, 114, 140-140об.
- ¹³ Там же. Л. 56.
- ¹⁴ Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV — XIX вв. История, символика, поэтика. М., 2005. С. 118.
- ¹⁵ Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск, 1987. С. 202; Голикова С.В. «Люди при заводах». Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII — начала XX века. Екатеринбург, 2006. С. 257, 259, 261.
- ¹⁶ Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 120.
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ Лавров А. С. Указ. соч. С. 92-93.
- ¹⁹ ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.
- ²⁰ Там же. Л. 94-94об., 114; см. также: Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15. Л. 29.
- ²¹ ГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 140-140об.
- ²² Там же. Л. 125об., 126 об., 127-128, 130-130об., 141, 146, 148, 159, 161-162, 244-245об., 248-252об., 271об., 305об.